

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VI

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

ISSN 2307-4671

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State University
Faculty of the political science
Department of the religion science and state-confessional relations
Laboratory of the ethnocultural and religion science research

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VI ISSUE

BARNAUL – 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – 266 с.: ил.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху Средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии» (проект №13-21-03001)

© Оформление. Изд-во Алтайского госуниверситета, 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)
S.A. Yatchenko (Doctor of Historical Sciences)

М64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2013. – VI Issue. – 266 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Дашковский П.К.</i> Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении	9
<i>Ковтун И.В.</i> Пробраз варуны на кинжале из Сеймы	18
<i>Сотникова С.В.</i> О семантике парных погребений андроновской эпохи	36
<i>Нуржанов А.А.</i> Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.)	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Католицизм у кыпчаков	62
<i>Руденко С.А.</i> Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации	72
<i>Тишин В.В.</i> Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв.	102

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.</i> Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)	120
<i>Сериков Ю.Б.</i> Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой	147
<i>Шелепова Е.В.</i> Сакральное пространство в культурах кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии раннескифского времени	166
<i>Шевченко Д.В.</i> Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)	179

III. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ

<i>Бүрэн-Өлзий И., Цэдэв Н., Баяртунгалаг Г.</i> Некоторые результаты исследования по религиозным вопросам, проведенного в Ховдском аймаке.....	192
<i>Жанбосинова А.С.</i> О деятельности контрреволюционных религиозных групп в восточном регионе Казахстана в 30-е гг. XX в.	203
<i>Запорожченко А.В., Славко В.Е.</i> Элементы шаманизма в народных религиозных традициях Южной Европы (на примере словенских и хорватских кресников).....	215
<i>Останин В.В.</i> Вайшнаизм на Алтае (двадцать лет спустя).....	224
<i>Содномпилова М.М.</i> Культ монгол-бурханов в традиции западных бурят	230
<i>Цэдэв Н., Бүрэн-Өлзий И., Баяртунгалаг Г., Пурэвсурэн Ц.</i> Город Ховд как центр пересечения мировых религий.....	238
<i>Шерстова Л.И.</i> Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая	243
<i>Эшматова Г.Б.</i> Повышение значимости религиозных объединений в расширении демократизма духовно-нравственной сферы жизнедеятельности	251
Список сокращений	259
Сведения об авторах	261

К.А. Руденко

Государственный университет культуры и искусств, Казань

**МОГИЛЬНИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
И БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ:
ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Вопросы этнокультурной истории и мировоззрения древнего населения на рубеже XX и XXI вв. стали объектом пристального внимания российских ученых-гуманитариев. Среди них особое место заняли исследования специалистов-археологов. Это не случайно. Традиции и опыт советской археологии и истории, обращение к зарубежным исследованиям в 1990-х гг. показывали, что многие концептуальные проблемы данной сферы могут быть решены только с помощью археологических материалов. Данный факт, казалось бы, очевидный. Однако чаще всего предполагается, что такой подход применим только для отдаленных эпох, первобытных или варварских культур, чаще всего бесписьменных. В историко-археологической литературе эти возможности археологии гораздо реже соотносятся с государственными культурами средневековой эпохи. Особенно в тех случаях, когда конфессиональная принадлежность населения государства в целом не вызывает сомнений.

Это в полной мере относится к средневековому государству Волжской Булгарии и (после монгольского завоевания) Булгарскому Улусу Золотой Орды на Средней Волге. Явное противоречие между письменными сообщениями и археологическими источниками стало очевидным только во второй половине XX в. До этого в российской историографии господствовало несколько основных гипотез этно- и культурогенеза народов Волго-Камья, входивших в состав булгарского государства. Официальной была славянская версия. В начале XX в. возникло еще несколько гипотез, в том числе чувашская. Однако в любом варианте окончательная исламизация и тюркизация населения Поволжья связывалась с эпохой Золотой Орды (Руденко К.А., 2007). Причем утверждалось, что основная масса булгарского населения до нашествия монгол была язычниками, и только горожане были мусульманами. После прихода к власти монгол языческое население было вытеснено из центральных районов Булгарии на правый берег Волги, а на данных территориях обосновались исламизированные кыпчаки (татары). Основным ис-

точником в настоящих построениях были данные лингвистики (эпиграфики) и исторические сведения. Археологические материалы до первой половины XX в. практически не использовались.

Ситуация кардинально изменилась во второй половине XX в., когда были проведены масштабные археологические исследования болгарских и золотоордынских памятников (Руденко К.А., 2008). Однако неоднозначность полученных археологических источников и фрагментарность исторических сведений привели к рождению множества разночтений и толкований, особенно в области изучения болгаро-татарской средневековой духовной культуры. В конечном итоге, сформировалась концепция, где соединились и утверждения о языческих тенгрианских представлениях болгар на протяжении почти всего домонгольского периода, и ранняя исламизация тюркского населения края (Давлетшин Г.М., 1990; 2004). При этом многие аспекты проблемы золотоордынского периода оказались затронуты в незначительной степени.

Если обозначить суть проблемы, то увидим, что, с одной стороны, в первой четверти X в. письменные источники упоминают о живущих на Волге болгар-мусульман, и констатирован факт принятия идей ислама в этот период правящим классом болгар-язычников. С другой стороны, археологические материалы, полученные в 1960–1980-х гг., свидетельствовали о господстве в Булгаре языческого погребального обряда до последней трети X столетия.

В XI–XIII вв. ислам в Булгарии был повсеместно распространенной государственной религией – это бесспорно и подтверждено письменными сообщениями, да и археологические данные этому абсолютно не противоречили. Вместе с тем археологические исследования показали, что группы языческого населения в Булгарии не только постоянно жили среди мусульман, но и довольно активно взаимодействовали с ними, создавая в некоторых случаях своего рода биригуализм в погребальных культурах, даже в городах, на городских кладбищах. А элементы языческого (на мусульманских кладбищах) или мусульманского (на языческих могильниках) обряда на сельских и городских кладбищах говорят о том, что такая практика не была исключением, а воспринималась совершенно естественно. При этом языческие культы были связаны в погребальной практике в домонгольский период в основном с финно-угорским населением, а в золотоордынский – с тюркским.

Для того чтобы представить общую картину в этой области археологического и исторического знания и иметь возможность

анализировать археологические данные по болгарскому погребальному обряду как источник по реконструкции культурного и духовного мира волжских болгар, систематизируем имеющиеся в нашем распоряжении материалы по болгарским могильникам¹.

Мы выделяем три категории погребальных памятников, зафиксированных в Болгарии в X – начале XV в. Это 1) языческие кладбища, 2) мусульманские и христианские некрополи и 3) захоронения без соблюдения каких-либо канонов (жертвы эпидемий и военных действий). Далее в первой категории мы рассматриваем языческие могильники населения раннеболгарского времени (середина VIII – первая половина X в.) (группа А); языческие угорские могильники (середина VIII – начало X в.) (группа Б); языческие и раннемусульманские угорские могильники (середина XIII – начало XV в.) (группа В); языческие позднекочевнические могильники и захоронения (XIV – начало XV в.) (группа Г); языческие финские могильники (XI–XIII вв.) (группа Д); языческие финские могильники (XIII – начало XV в.) (группа Е).

Во второй категории выделены следующие группы могильников: мусульманские некрополи X – начала XIII в. (группа А); мусульманские некрополи второй половины XIII – начала XV в. (группа Б); христианские некрополи (группа В).

Далее внутри групп рассматриваются отделы по этнокультурному признаку и их характеру и месту функционирования: городские, сельские, курганные и грунтовые могильники, а также одиночные захоронения и отдельные памятники учитываются как типы.

ЯЗЫЧЕСКИЙ КУЛЬТ. Группа А. Языческие могильники населения раннеболгарского времени (середина VIII – первая половина X в.).

Отдел I. Некрополи тюрко-финно-угорского населения (Большетарханский; Кайбельский; Танкеевский²; Тетюшский²; Автозаводской могильники³) (свыше 2000 погребений) (рис. 1).

¹ Название «болгарские» – условное и применяется здесь как политоним.

² На поздней части этих могильников имеются мусульманские захоронения.

³ Эти могильники подробно описаны в литературе и в публикациях и нет необходимости рассматривать их по отдельности. Это уже сделано в публикациях их материалов. В нашей классификации каждый некрополь мы рассматриваем как отдельный тип.

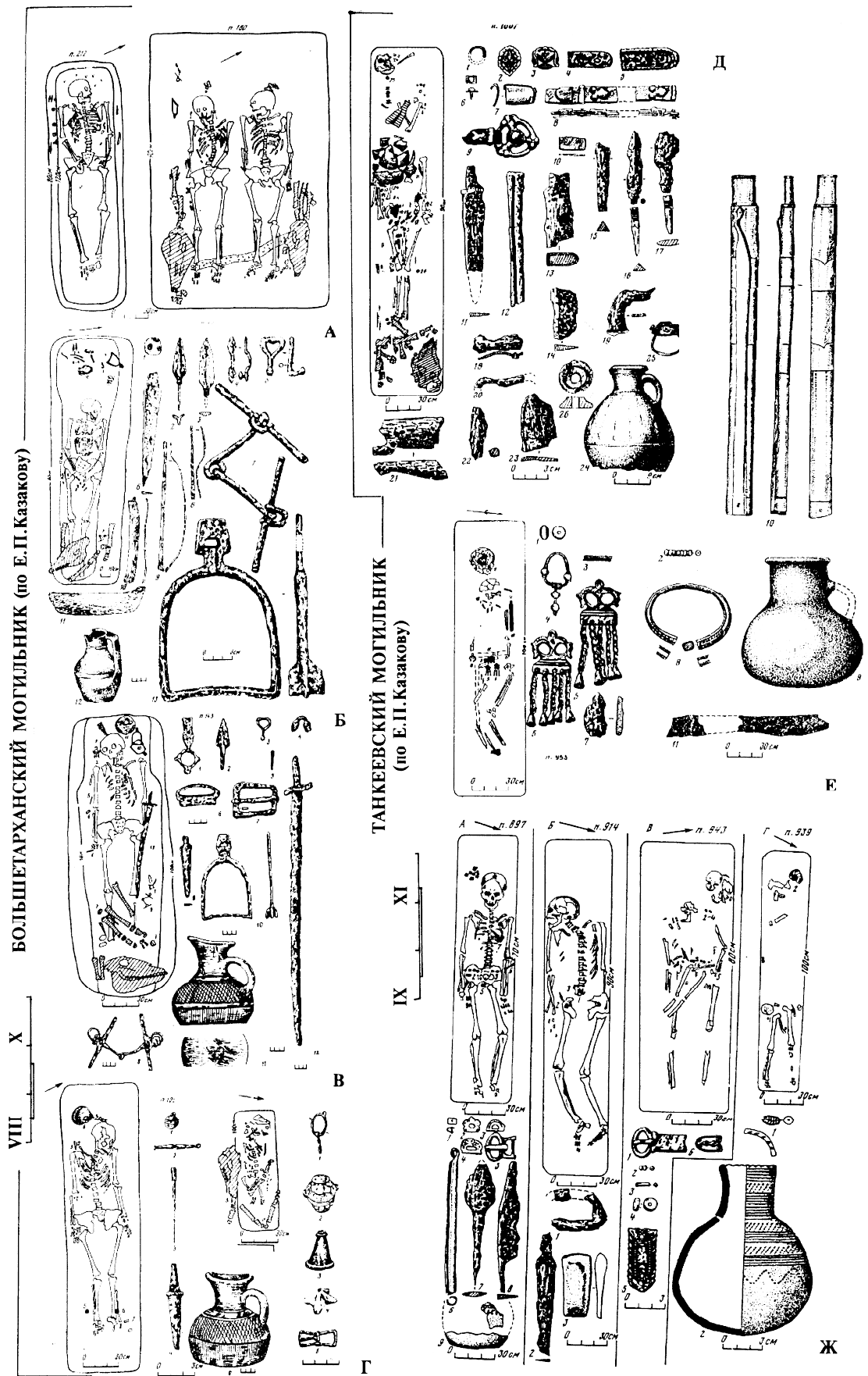

Рис. 1. Сводная таблица языческих погребений ранней Волжской Булгарии (по: Казаков Е.П., 1992)

Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные¹. Преобладают одиночные захоронения. Парные и коллективные составляют не более 10%. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, с заплечиками, с подбоями. Использование деревянных перекрытий, гробов (ящичков) или обкладок стенок могилы деревом не типично и встречается редко. Погребальные ритуалы – применение огня, конские жертвенные комплексы², захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем, в том числе и с использованием погребальных серебряных масок (Танкеевский могильник) (Казаков Е.П., 1992, с. 33–108).

Отдел II. Могильники поволжско-финского населения (Борисковский могильник). Обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные (?), одиночные. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – простые ямы. Погребальные ритуалы – жертвенные вещевые комплексы, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем³.

Группа Б. Языческие угорские могильники (середина VIII – начало X в.).

Отдел I. Могильники угорского населения (позднекушнаренковские–караякуповские) (Большетиганский могильник). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные и семейными (?) группами. Встречаются одиночные, парные и коллективные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, с заплечиками, без подбоев. Использовались деревянные конструкции типа гробов (ящичков), войлочная или берестяная подстилка. Погребальные ритуалы – применение огня, конские жертвенные комплексы, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем; отличительная черта – использование лицевых кожаных или тканых покрытий – масок (Казаков Е.П., 1992, с. 58–62). Не исключено, что над могильником была сооружена земляная насыпь.

¹ На первом этапе (по Е.П. Казакову) захоронения впускные или подкурганые (Кайбельский могильник).

² Подробнее см.: Петренко А.Г., 2000, с. 55–76; 2002а, с. 152–155.

³ Материалы могильников Волго-Вятского междуречья IX–XII вв. проанализированы Н.А. Архиповым (1973; 1986) и Т.Б. Никитиной (2002).

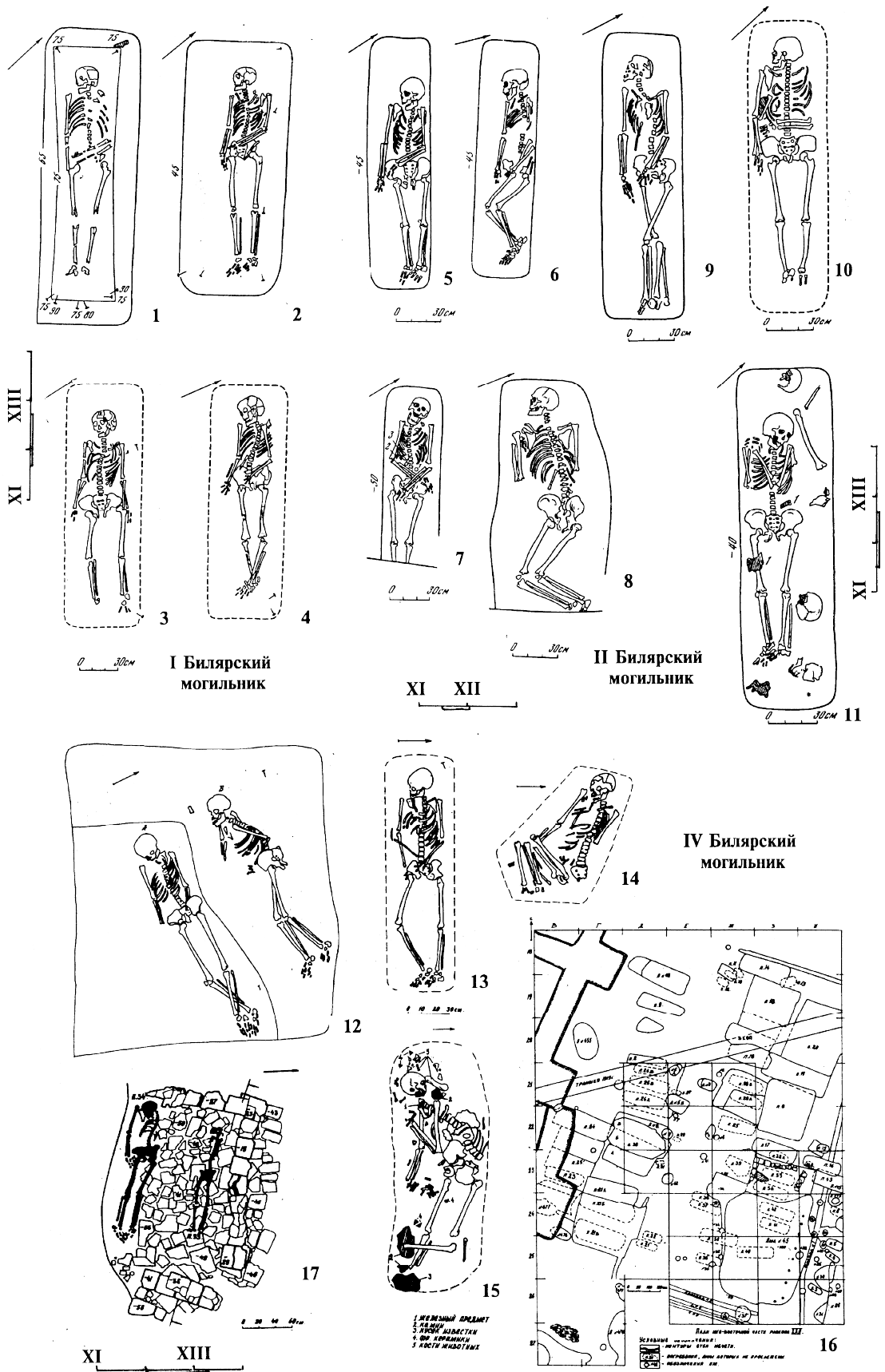

Рис. 2. Мусульманские болгарские захоронения XI–XIII в.
(по Е.А. Халиковой, Р.Ф. Шарифуллину)

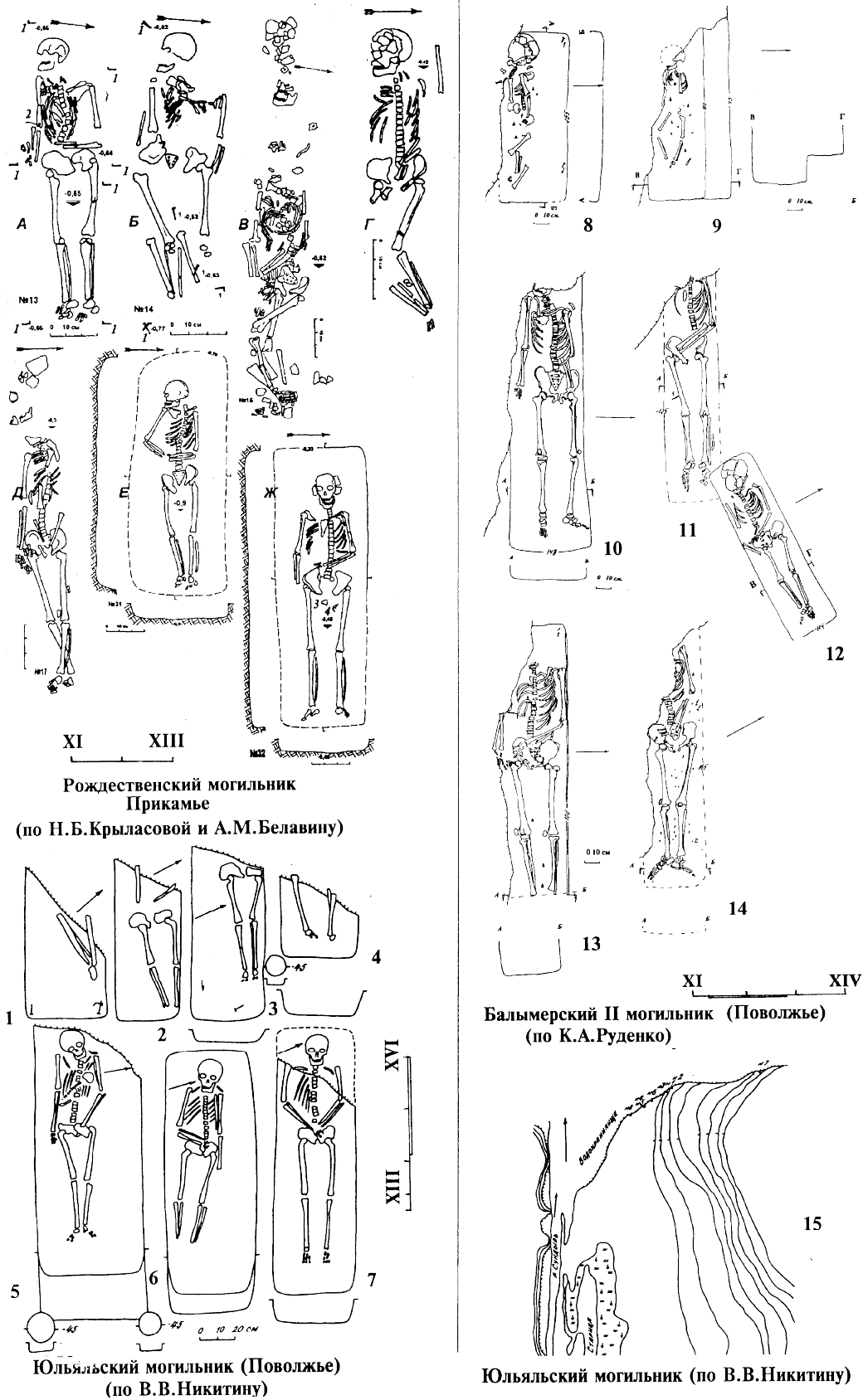

Рис. 3. Мусульманские болгарские (8–14), из Пермского Прикамья – Рождественское городище (А–Ж – по А.М. Белавину), марийские – Юльяльский могильник (1–7 – по Т.Б. Никитиной) могильники

Группа В. Языческие и раннемусульманские угорские могильники (середина XIII – начало XV в.) (рис. 4.-3–10).

Отдел I. Могильники башкирско-угорского населения (Азметьевский, Такталачукский могильники)¹. Эти некрополи в большей части показывают преобладание мусульманской погребальной обрядности. Языческие элементы прослежены в детских захоронениях (Казаков Е.П., 1978, с. 53 и сл.). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные. Встречаются в основном одиночные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, без подбоев. Деревянные конструкции типа гробов (ящиков) использовались редко. Погребальные ритуалы – применение огня, захоронение в одежде или саване практически без инвентаря. С сопроводительным инвентарем встречены в основном детские захоронения.

Группа Г. Языческие позднекочевнические могильники и захоронения (XIV – начало XV в.) (рис. 7–10).

Отдел I. Кочевнические захоронения на сельских мусульманских кладбищах (погребение №18 на III Рождественском могильнике) (Генинг В.Ф. и др., 1962, с. 82). Обряд погребения – ингумация. Ориентировка погребенных – северо-восток. Тип погребальной конструкции – простая яма. Погребальный ритуал – захоронение в одежде (кожаные штаны) с сопроводительным инвентарем; отличительная черта – использование символических наборов – стрел, уздечки, наверху от сабли и монеты (1357 г.) (Генинг В.Ф. и др., 1962, с. 82, рис. XXXIII).

Отдел II. Кочевнические погребения на городских некрополях (Болгары) (Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., 1974, с. 130; Газимзянов И.Р., 1999, с. 47–48) (погребение №4 Малоиерусалимского могильника). Обряд погребения – ингумация. Захоронение одиночное². Ориентировка – север–юг. Погребальная конструкция – простая яма, с приступками. Погребальные ритуалы – конский жертвенный комплекс (обломок ребра лошади), захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем. Вещи: зеркало, нож, бусины, железные подвески в виде конуса. Как и на Рождественском могильнике, погребение не выделено из общей массы захоронений³.

¹ Материалы с территории Башкирии проанализированы Г.Н. Гарустовичем.

² В одном случае – женское.

³ Преобладающая часть захоронений – мордовские.

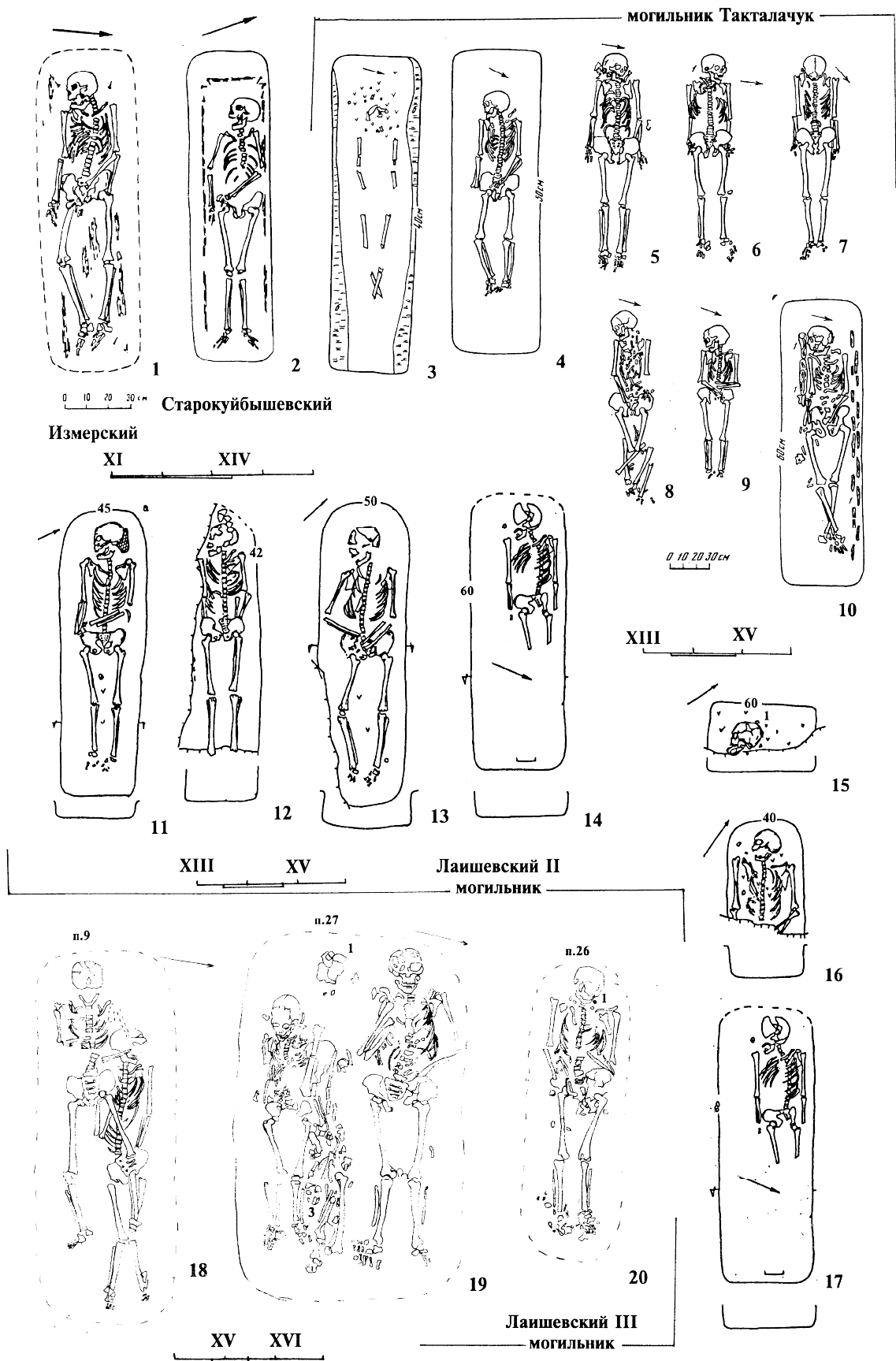

Рис. 4. Сельские могильники. Лаишевские могильники (18–20 – по Р.М. Фаттахову)

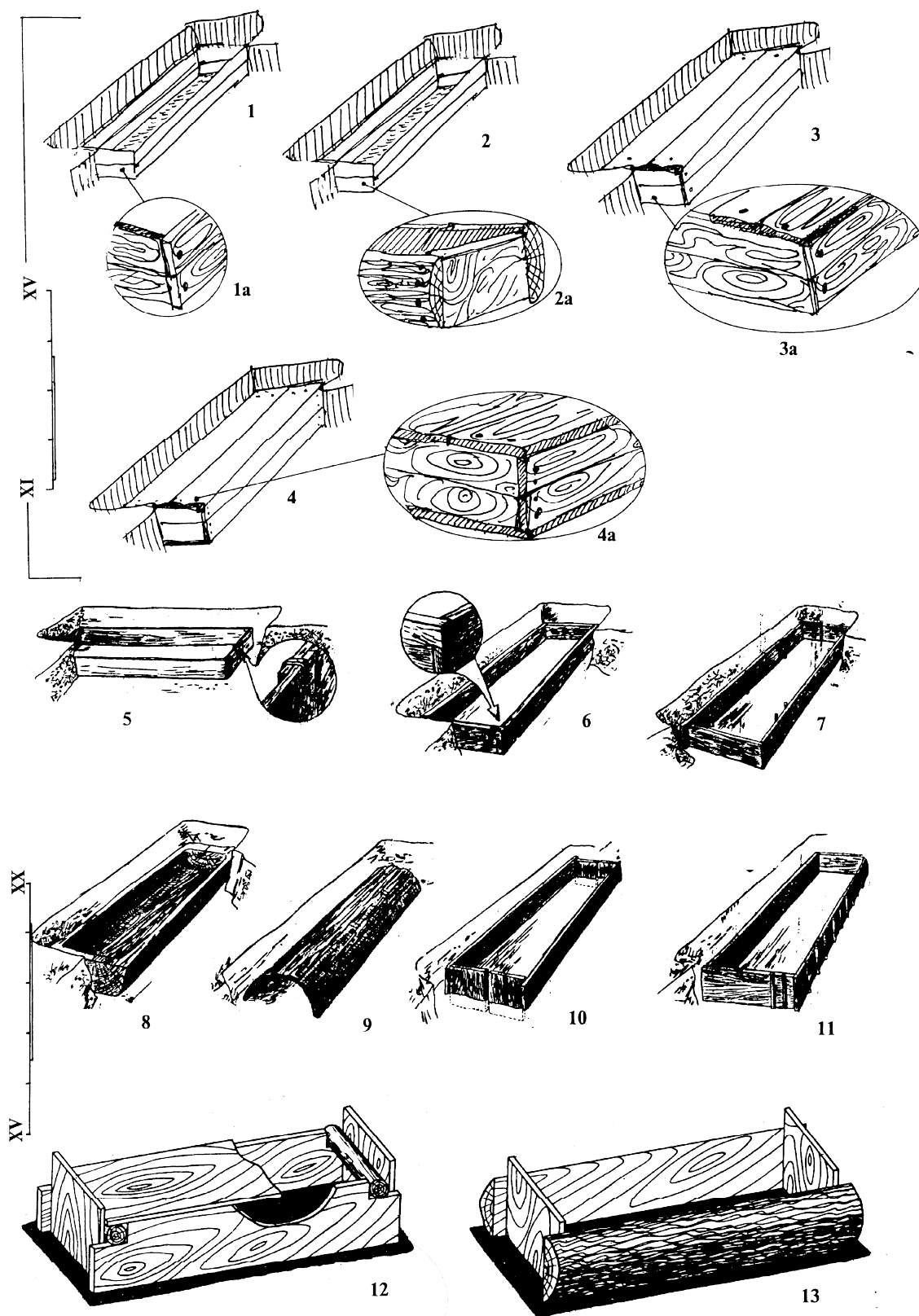

Рис. 5. Типы деревянных гробов (1–4) и их аналогии (5–13 – по Н.И. Шутовой; Т.Б. Никитиной)

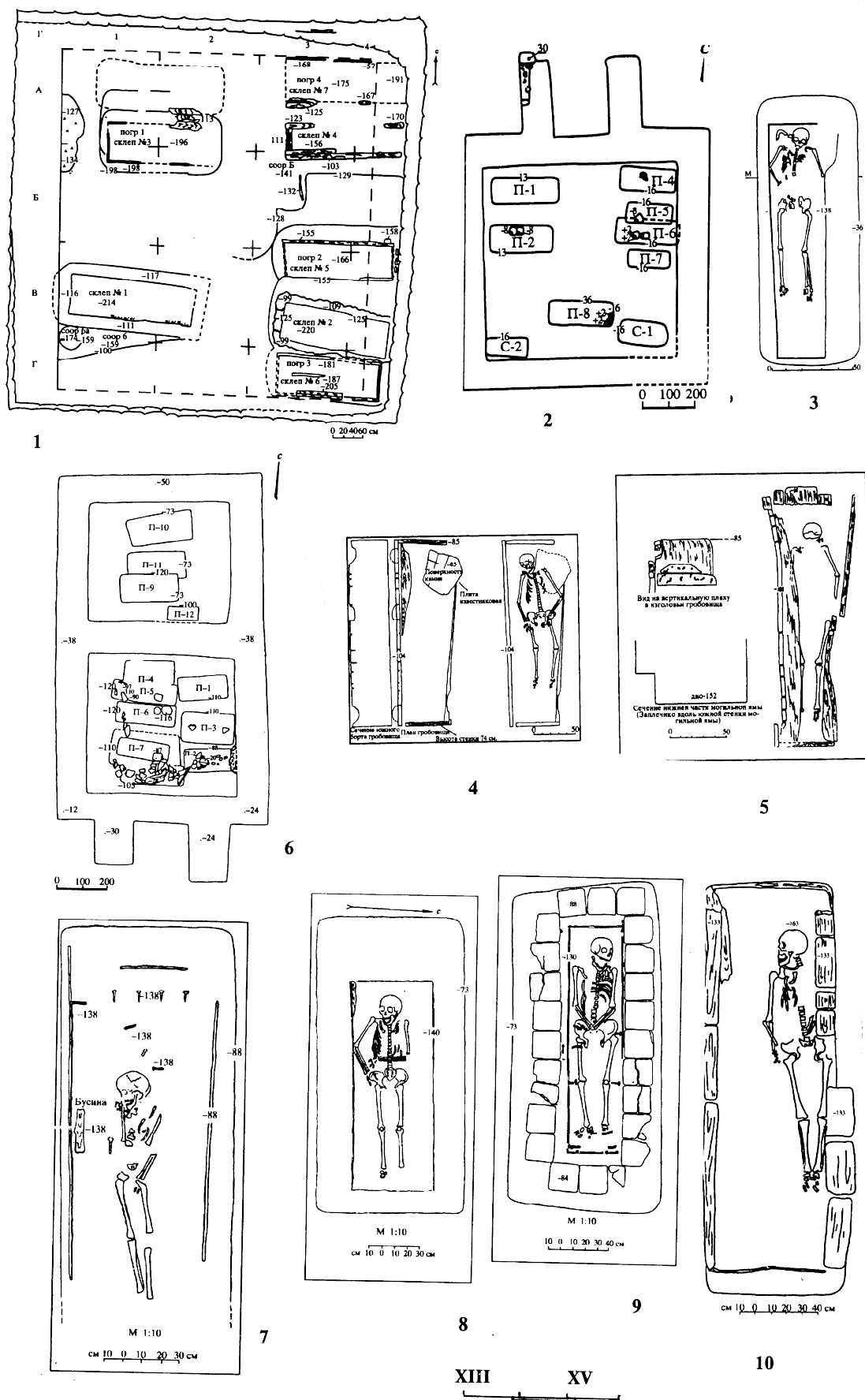
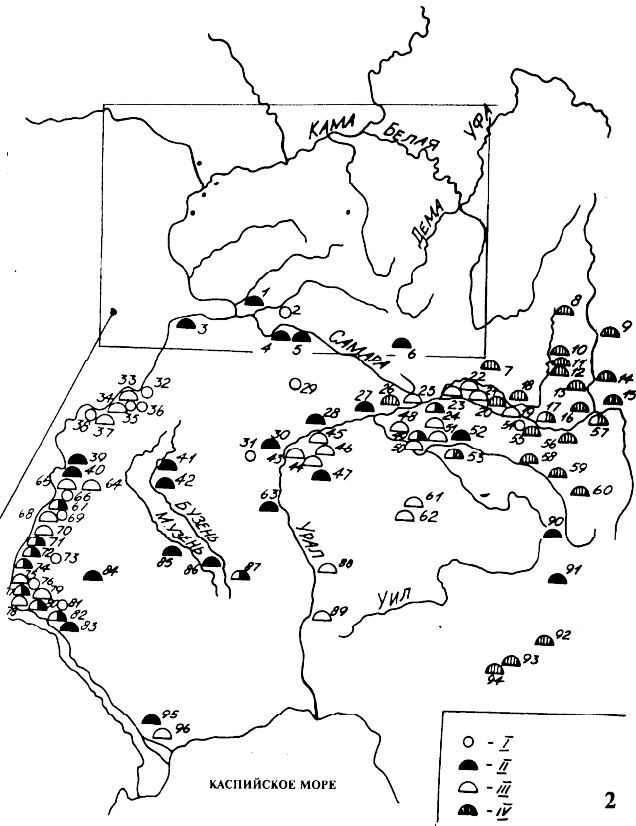

Рис. 6. Захоронения в мавзолеях города Болгара (по Н.Д. Аксеновой)

Карта средневековых кочевнических памятников степного Заволжья и Южного Приуралья (по В.А.Иванову)

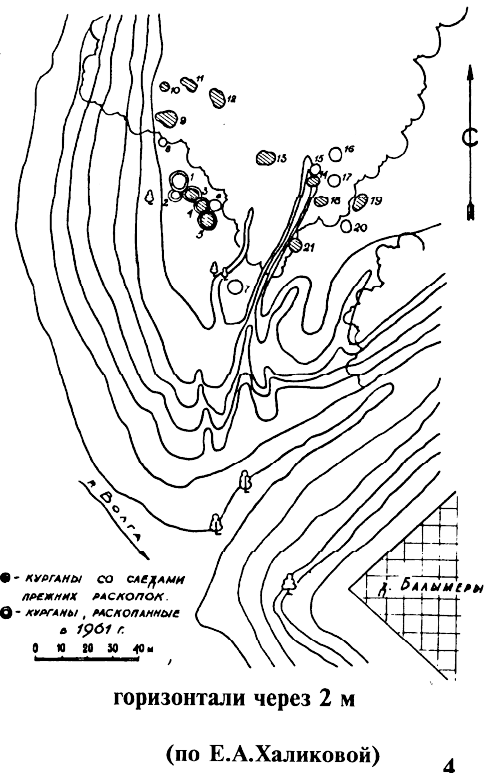
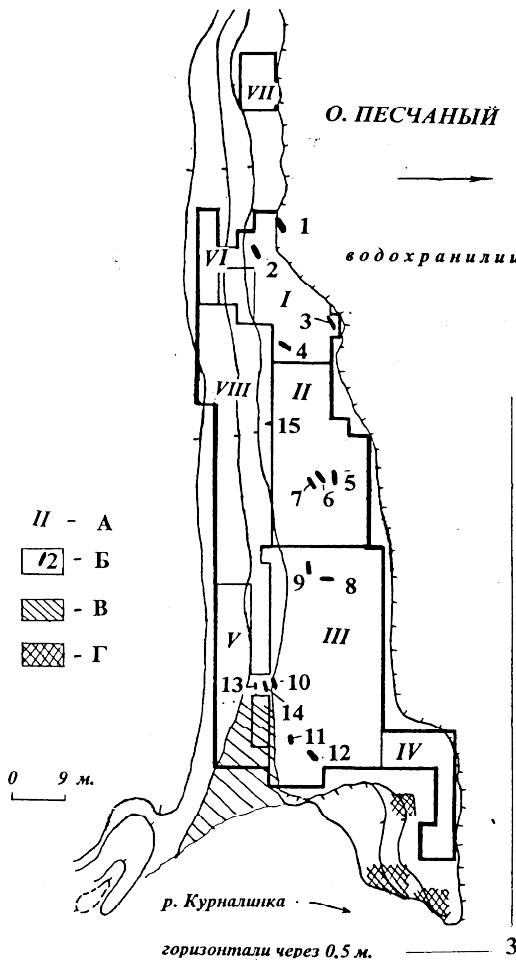

Рис. 7. Могильники поздних кочевников в Среднем Поволжье

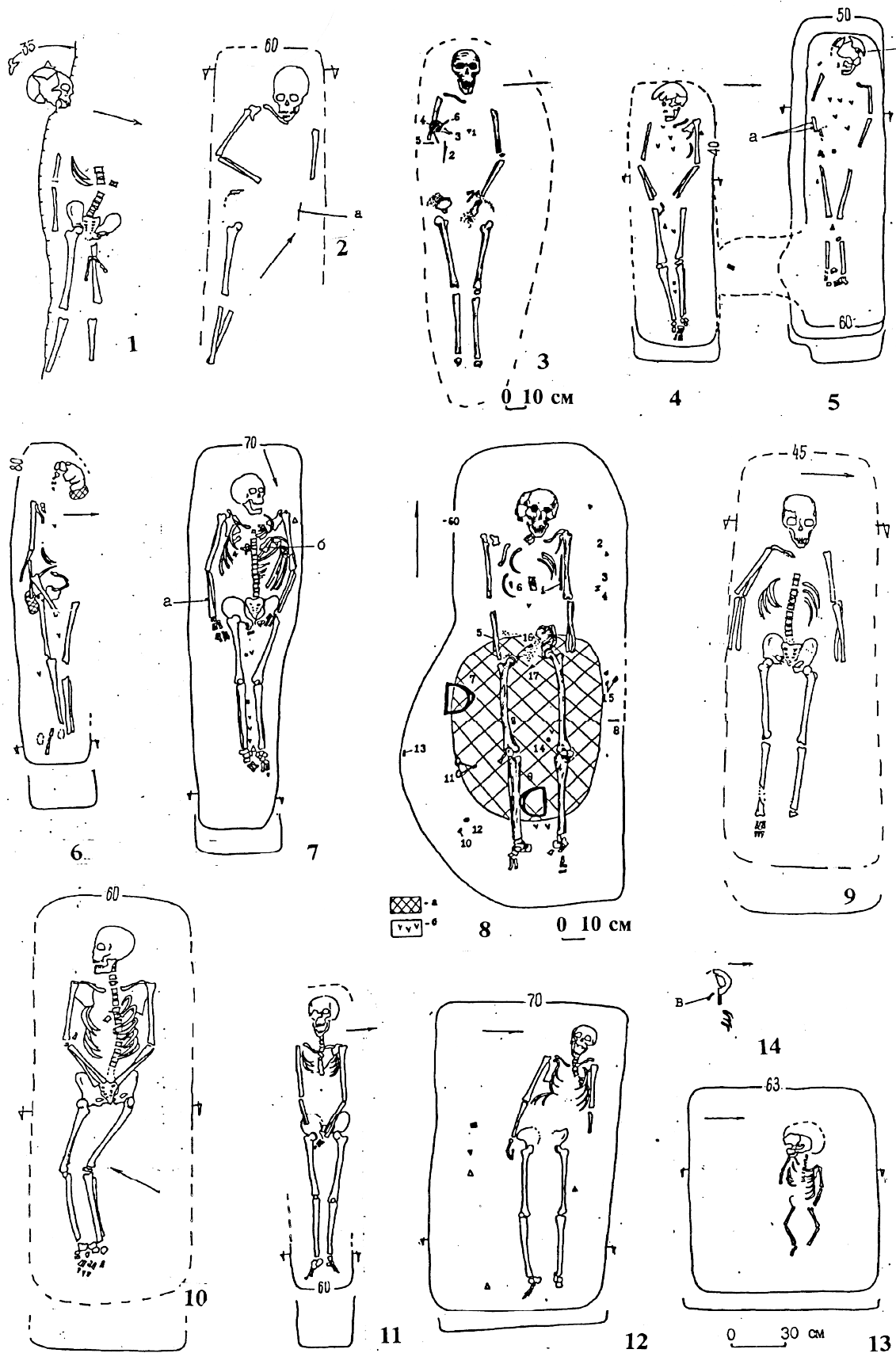

Рис. 8. Захоронения могильника Песчаный остров второй половины XIV в.

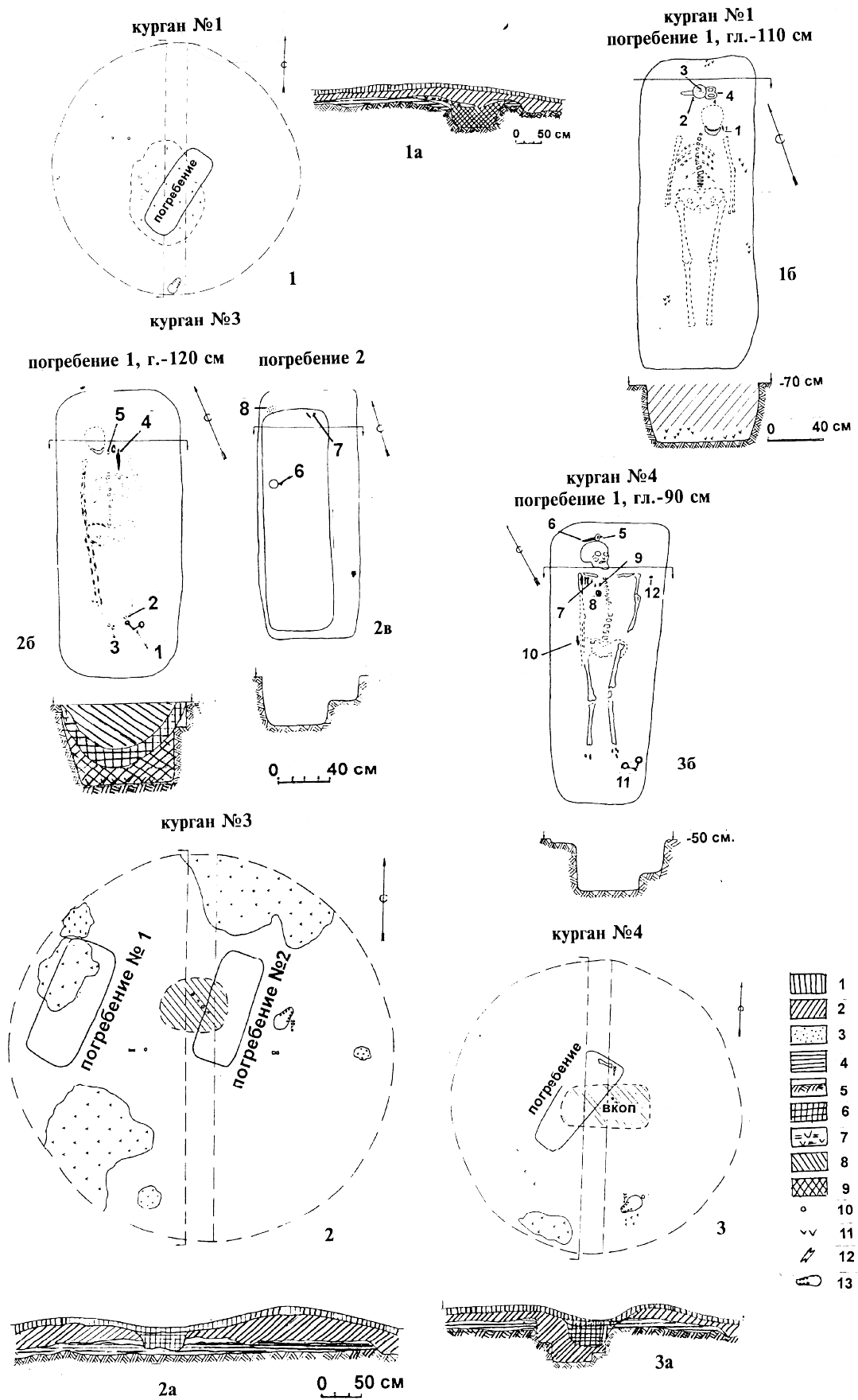

Рис. 9. Захоронения в Бальмерских курганах (по Е.А. Халиковой). Вторая половина XIV в.

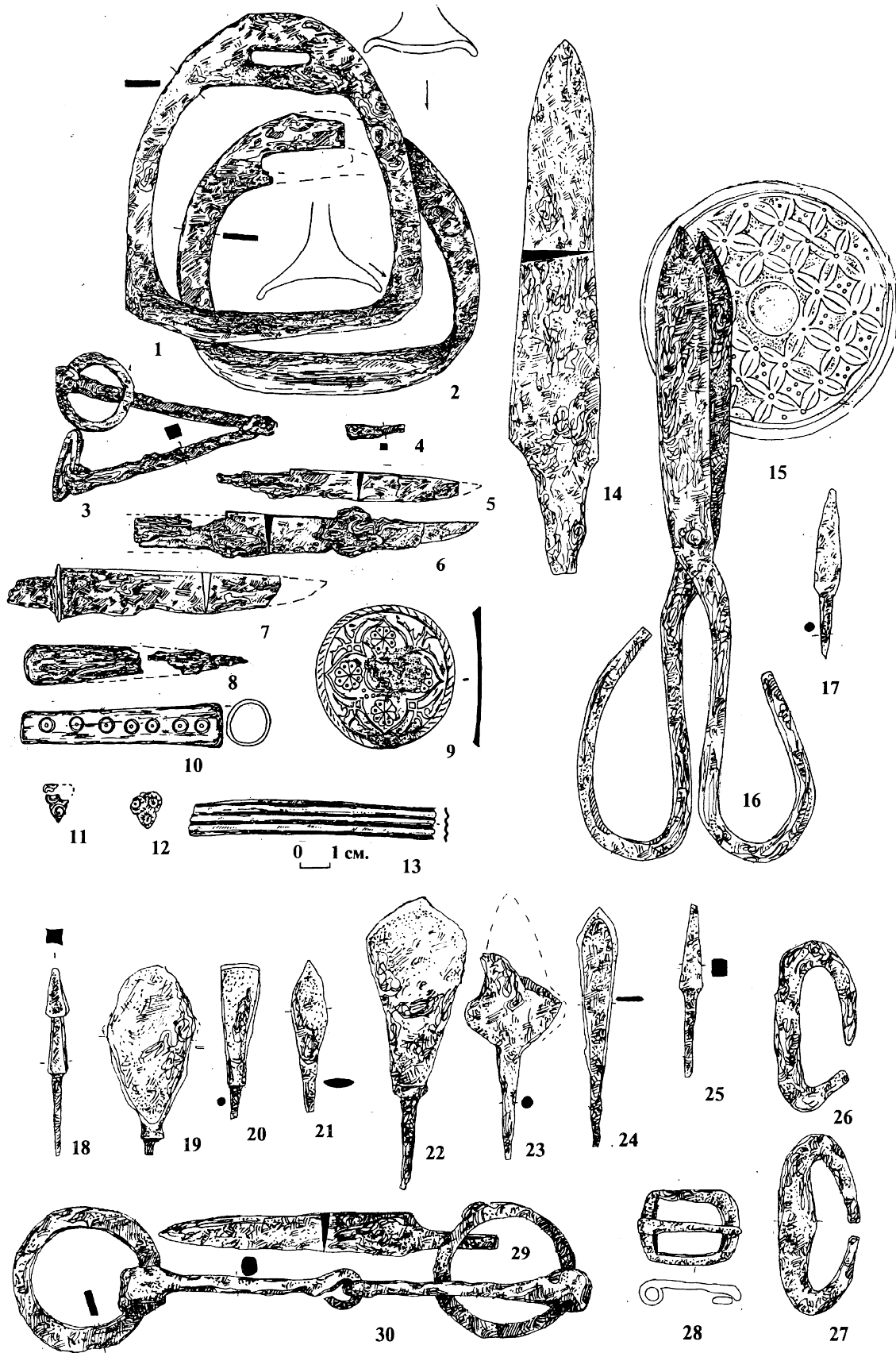

Рис. 10. Погребальный инвентарь из захоронений поздних кочевников: могильник Песчаный остров (1–13) и Балымерские курганы (14–30)

Отдел III. Некрополи кочевников или одиночные захоронения.

Тип 1. Могильник Песчаный остров (16 погребений) (Руденко К.А., 1999а, с. 61–76) (рис. 7.-3; 8; 10.-1–13). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения одиночные или скученные, возможно подкурганые. Ориентировка – запад–восток, север, юго-восток. Преобладает направление запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, без подбоев. Погребальные конструкции не прослежены. Большая часть захоронений безынвентарна. В 3% захоронений имелись бытовые и ритуальные предметы. В их числе – седло со стремями и уздечка с удилами (погребение №8); женский набор предметов: металлическое зеркало, костяная игольница, нож, бронзовые накладки (погребение №5). Погребальные ритуалы – использование огня, сопровождение ритуальной пищей – частями конской туши или черепа; захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем.

Тип 2. Балымерские курганы (3 кургана; 5 погребений) (Халикова Е.А., 1965; Руденко К.А., 2009, с. 282–294) (рис. 7.-4; 9; 10.-13–27).

Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения подкурганые, одиночные, причем под одной насыпью находится одно или два погребения. Ориентировка – северо-восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, с заплечиками, без подбоев. Возможно, использовались деревянные конструкции. Погребальные ритуалы – применение огня, конские жертвенные комплексы, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем.

Тип 3. Лебединское и Алексеевское погребения (АК, 1988, №80; Губин А.С., Писарев Т.Н., 2004, с. 80–81) (рис. 7.-1). Обряд погребения: ингумация, сопровождавшаяся погребальным инвентарем и жертвенными животными¹.

Отдел IV. Мусульманские кладбища с элементами языческого культа.

Тип 1. Городские некрополи – могильник у «Ханской усыпальницы» в Болгарах² (Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П., 1970, с. 20).

¹ Данные погребения могли быть остатками небольших курганных могильников или же одиночных курганов.

² В погребении №16 под надгробием из обломков кирпича найдена фигурка человека, вырезанная из тонкой медной пластинки. Правда, принадлежность ее к этому погребению не может быть бесспорной.

Тип 2. Сельские кладбища – II и III Лаишевский (18 и 28 погребений соответственно) (Руденко К.А., 1999б, с. 73–102), Кожаевский (4 погребения – 4% от общего числа захоронений) (Газимзянов И.Р., 1991, с. 106–110) и др. (рис. 4.-11–17). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные. Зафиксированы одиночные, парные, коллективные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – простые ямы, без подбоев. Иногда использовались деревянные конструкции типа гробов (деревянных ящиков). Погребальные ритуалы – применение огня, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем.

Отделы I и II группы Г характеризуют совместное расположение кочевнических погребений среди других захоронений могильника, выдержанность ритуала погребения, наличие вещевого инвентаря. Отдел III включает в себя различные типы захоронений, определяющиеся разницей в расположении, обряде и инвентаре. Это связано с принадлежностью к различным этническим группам по происхождению и связям (Руденко К.А., 1999а, с. 31–33). Отдел IV характеризуется общим соблюдением мусульманских канонов при захоронении, с отклонениями (ориентировка, положение, «культ огня» и т.п.), а также наличием отдельных бытовых вещей или культовых предметов. Специфика этих типов захоронений определяется и языческими культурами и ритуалами, соблюдавшимися при погребении.

Группа Д. Языческие финские могильники (XI–XIII вв.).

Отдел I. Могильники финского населения.

Тип 1. Могильники поволжских финнов (меря). Котловский могильник (Казаков Е.П., 1992, с. 49, прим. 30).

Тип 2. Могильники прикамских финнов (удмурты). IV Елабужский могильник (3 погребения) (Нигамаев А.З., 2002, с. 98–100; 2002а, с. 127–131); Елабужский I (?) могильник (1 погребение) (Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш., 2000, рис. 20, с. 23). Основной обряд – ингумация. Порядок захоронений не установлен. Погребения одиночные. Ориентировка – запад–восток, северо-запад. Типы погребальных конструкций – ямы простые, без подбоев. Встречены деревянные конструкции типа гробов, точнее ящиков, соединенные коваными железными гвоздями. Погребальные ритуалы: захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем. Вещи: личные украшения – височные кольца, ожерелье из стеклянных бусин, копушка, ножи, круговой болгарский сосуд и сосуд типа «джукетау». В захоронении I могильника найдены серебряное височное кольцо с двойным пояском скани, шумящие подвески.

Отдел II. Одиночные захоронения.

Тип 1. Находки на Ананьинской дюне и у с. Серебрячиха (Руденко К.А., 2001, с. 204, рис. 45.-1, 2). Сами захоронения не сохранились. Вещи характерны для финского населения Восточной Европы.

Отдел III. Элементы языческих культов в мусульманских некрополях.

Тип 1. Сельские могильники – II Тураевский могильник (104 средневековые захоронения) (Арма тынская О.В., 1989, с. 41–42). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные. Встречаются в основном одиночные погребения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – простые ямы, без подбоев. Использовались деревянные конструкции в виде гробов (ящичков), сколоченных железными гвоздями, или деревянные перекрытия. Погребальные ритуалы: захоронение в одежде и без сопроводительного инвентаря. Вещи: железные и бронзовые пряжки, железные ножи и наконечник стрелы, 3 бусины и височные кольца.

Тип 2. Городские некрополи – II Билярский могильник (Халикова Е.А., 1976, с. 126, рис. 68) (рис. 2.-5–11). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные с вычленением небольших групп погребений (5–10 могил) (Халикова Е.А., 1986, с. 78). Встречаются, как правило, одиночные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, без подбоев. Погребальные ритуалы – надмогильные сооружения в виде деревянных ящичков (?) (Халикова Е.А., 1986, с. 80). В отдельных погребениях найдены детали верхней одежды: железные накладки и пряжка от пояса (Халикова Е.А., 1986, с. 84).

Группа Е. Языческие финские могильники (XIII – начало XV в.).

Отдел I. Могильники поволжско-финского (мордовского) населения.

Тип 1. Сельские могильники – Карташихинский (5 погребений) и Ташкирменский (АК, 1981, №281, 338¹). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения одиночные. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – простые ямы.

¹ По отчету Н.Ф. Калинина (1948), это захоронения татар-кряшен XVIII в. и совершены они на II Ташкирменском городище «Бишек-Тау». Состав инвентаря позволяет предполагать более раннюю дату этих захоронений.

Использование деревянных конструкций не отмечено. Погребальные ритуалы – скорченное положение костяка, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем: глиняный сосудик, металлические пряжки, серебряная монета (копейка Ивана IV).

Тип 2. Городские некрополи – Усть-Иерусалимский могильник (Болгары) (34 погребения)¹ (Газимзянов И.Р., 1998, с. 30–31). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные с перекрытием могил друг другом. Преобладают одиночные захоронения. Расположение костяков – вытянутое на спине, скорченные, на боку. Ориентировка – запад–восток. Захоронения совершались в простых ямах. Использовались деревянные перекрытия, гробы (ящики) без использования гвоздей, встречались обкладки деревом стенок могилы. Погребальные ритуалы: применение огня, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем, ритуальное разрушение костяков (?).

Отдел II. Одиночные захоронения поволжских финнов (мордовские).

Тип 1. «Впускные» захоронения на городищах: II Коминтерновском (АК, 1986, №544) и Рождественском. На месте Рождественского городища найдены бронзовые браслеты, сьюльгамы, монеты XV в. (Руденко К.А., 2001, с. 198, рис. 39).

Отдел III. Элементы языческих культов в мусульманских некрополях (Болгарское городище).

К XII в. относится появление на периферии болгарской территории немусульманских языческих некрополей, в частности, мерянских (Котловский могильник) (Казаков Е.П., 1992, с. 49, прим. 30). В связи с этим уместно вспомнить упомянутое ранее Серебрячихинское местонахождение. К XI–XII вв. следует отнести и бытование на болгарских могильниках элементов культа огня (Кожаевский могильник) (Кавеев М.М., 1994, с. 35). В это время встречаются и единичные захоронения с вещами, например, поясной железной гарнитурой, как на II Билярском могильнике (Халикова Е.А., 1976, с. 126, рис. 68).

Таким образом, процесс инфильтрации и последующего интегрирования финно-угорского населения в болгарскую среду, по данным погребального обряда, было явлением достаточно ощутимым по всей территории Болгарии в XII–XIII вв. Причем обратное

¹ В настоящее время на этом могильнике исследовано более 100 захоронений. Материал не опубликован.

влияние также имеет место (Крыласова Н.Б., Белавин А.М., 1991, с. 57–58). Основной обряд в это время – мусульманский.

Для середины – третьей четверти XIV в. характерны процессы взаимодействия болгар, поздних кочевников и финно-угров, что хорошо видно на ряде сельских некрополей региона. Это IV и V Рождественские могильники, два захоронения III Карташихинского некрополя, II и III Лаишевские могильники. К этому кругу памятников нужно отнести и погребение у с. Большая Елга Рыбнослободского района Татарстана (АК, 1981, с. 34, 91, 92, 118, №287, 562).

Среди черт, объединяющих их в одну группу, кроме географической близости (они сосредоточены на площади 40 × 40 км в приустьевой части Камы), фиксируются следующие моменты: неустойчивая обрядность – не все захоронения выдержаны в рамках мусульманского канона, встречаются элементы культа огня, погребения с вещами, коллективные захоронения, не соблюдается кыбла. К этому кругу памятников близки некоторые погребения Мари-Луговского могильника в республике Марий-Эл, могильников Палаху (погребение №17) и Новое Ядрино (погребения №1 и 2), а также Большая Тояба и Б. Янгильдино в Чувашии (Халиков А.Х., 1962, с. 186; Трубникова И.Б., 1960, с. 59–60; Каховский Б.Ф., 1985, с. 26, 29, 50). В основном эти погребения датируются XIV в. Вышеуказанные памятники, на наш взгляд, занимают промежуточное положение между традиционными мусульманскими погребениями сельских некрополей и захоронениями поздних кочевников второй половины XIV в., характерными для района волжской и камской поймы.

Специфику указанных могильников определяет и наличие сильного влияния финского мира, продвинувшегося к концу XIV в. непосредственно на территорию бывшей Волжской Булгарии. Известны как отдельные мордовские захоронения, так и целые могильники (Карташихинская группа), сосредоточенные в этом же районе, что и рассмотренные памятники. Типичные финские украшения (сюльгамы, шумящие подвески и т.п.) зафиксированы на селищах Рождественском, Лаишевском, Дамба-II и др. Датируются эти материалы XIII–XV вв.

МУСУЛЬМАНСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ. Группа А. Мусульманские некрополи X – начала XIII в.

Отдел I включает в себя городские мусульманские некрополи (Билярские (свыше 300 погребений); Крутогорский-II (15 погре-

бений); Балымерский-II (8 погребений) могильники¹) (Халикова Е.А., 1986, с. 43–111; Руденко К.А., 2002а, с. 70–77; Набиуллин Н.Г., 1999, с. 88–91). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные. Преобладают одиночные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые, иногда с уступами без подбоев. Использование деревянных перекрытий или обкладок стенок могилы деревом не типично. Не ранее конца XI в. в ритуальной практике начинают использоваться деревянные гробы, рамы, ящики, скрепленные железными коваными гвоздями или скобами². Могли быть деревянные конструкции и без гвоздей и скоб. Погребальные ритуалы – захоронение в саване без вещей.

Отдел II включает в себя сельские кладбища (III Рождественский (31 погребение), I Старокуйбышевский (18 погребений), Измерский (50 погребений), I, III, V Мурзихинские могильники (50 погребений) (Халикова Е.А., 1986, с. 112–136; Руденко К.А., 2002, с. 47–52).

Тип 1. Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные, встречаются группы погребений в одном ряду, вероятно родственников (Мурзихинский V могильник). Преобладают одиночные захоронения. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – ямы простые или со ступеньками, без подбоев. Использовались деревянные перекрытия, гробы и ящики, скрепленные железными коваными гвоздями (рис. 5.-1–4) и обкладка стенок могилы деревом. Варианты обрядов захоронения – с использованием деревянных конструкций (вариант 1) и без них (вариант 2)³. В первом случае различаются захоронения в деревянных рамах, ящиках с крышкой и с перекрытием, положенном на земляные уступы (Руденко К.А., 2002, с. 50). Погребальные ритуалы – захоронение в саване без сопроводительного инвентаря.

¹ Исследовались могильники на Муромском городке (Кочкина А.Ф., 2002, с. 125–126), однако информационный характер публикации не дает возможности использовать эти данные.

² На II Крутогорском могильнике, датированном первой половиной XI в., такие конструкции отсутствуют. К аналогичному выводу пришла и Е.А. Халикова. Однако не исключено, что разные типы погребальных конструкций могли появиться и ранее.

³ Е.А. Халикова (1986, с. 121–122) предполагала, что даже в тех погребениях, где гвозди не найдены, были деревянные гробы, только изготовленные без использования гвоздей и скоб.

В целом мусульманские некрополи XII – начала XIII в. располагались за пределами поселений, но в непосредственной близости от них, как правило, за каким-то естественным или искусственным рубежом. Над могилами нет следов надгробий, господствует небольшая глубина котлованов, отсутствует подбой, используются дощатые гробы, в большинстве случаев скрепленные железными гвоздями и скобами. Последний элемент появляется, по мнению Е.А. Халиковой, во второй половине XII в. и бытует до первых десятилетий XIV в. Погребальный обряд – ортодоксальный мусульманский, в ряде случаев с небольшими отклонениями.

Группа Б. Мусульманские некрополи второй половины XIII – начала XV в.

Отдел I включает в себя городские мусульманские некрополи. Расположение некрополей достаточно спонтанно и связано с исторической эволюцией территории города (Болгарское городище).

Тип 1. Захоронения в мавзолеях. Болгарское городище: Восточный мавзолей – рубеж XIII–XIV вв. (Баранов В.С., Кавеев М.М., 2001, с. 184), мавзолеи у Малого минарета датируются второй половиной – концом XIV – началом XV в. (Аксенова Н.Д., 2001, с. 208) (рис. 6). В мавзолеях, как правило, находилось несколько захоронений, в большинстве случаев взрослых, хотя в мавзолеях конца XIV в. встречены и детские захоронения (мавзолеи №4, 5). Они совершались в деревянных ящиках с крышкой. Иногда деревянная конструкция заливалась сверху известью (Баранов В.С., Кавеев М.М., 2001, с. 190). Стенки ящика могли врываться в землю; внутренний крепеж осуществлялся с помощью пазов или кожаных ремешков (Аксенова Н.Д., 2001, с. 208). В Большом западном мавзолее над двумя захоронениями были сооружены кирпичные ступенчатые надгробия; в одном случае могильная яма была выложена кирпичом (Аксенова Н.Д., 2001, с. 204, 213). Пол мавзолеев был земляной, дощатый или вымощенный камнем. В случае повторного перекрытия пола захоронения отмечались известняковыми камнями (Аксенова Н.Д., 2001, с. 208) или надгробными плитами с эпитафиями.

Ориентировка погребенных – запад–восток. Лицо повернуто на юг. Покойники заворачивались в саван, не исключено, что хоронились и в одежде. Ткани – парча, шелк (Баранов В.С., Кавеев М.М., 2001, с. 193). Этот тип захоронений характерен для социальной столичной элиты. Захоронения в мавзолеях, видимо, являются семейными усыпальницами (Аксенова Н.Д., 2001, с. 216).

Тип 2. Некрополи с кирпичными надгробиями (цилиндрические, вымостки, оградки, ступенчатые). Болгары, могильник «Хан-

ская усыпальница» XIV – начало XV в. Прослеживается рядность могил в направлении север–юг. Захоронения совершались в гробах. Ориентировка погребенных – головой на запад; лицо повернуто на юг или восток. Положение – вытянуто на спине (Яблонский Л.Т., 1987, с. 125). В большинстве случаев это захоронения знатных и состоятельных людей. На этих некрополях встречаются и захоронения в грунтовых ямах более низкого социального статуса.

Тип 3. Некрополи с захоронениями в грунтовых ямах без подбоя или с подбоем, в гробах или без них. Кладбище у «Черной палаты» и у Малого минарета (Болгарское городище). Ориентировка – головой на запад, лицом на юг (Яблонский Л.Т., 1987, с. 126–128; Аксенова Н.Д., 2001, с. 205). В основном это захоронения рядового городского населения.

Тип 4. Некрополи с захоронениями в грунтовых ямах в деревянных гробах, скрепленных железными гвоздями. Кладбище Чалынского городища (44 погребения) (Газимзянов И.Р., 2000, с. 216–237). Основной обряд погребения – ингумация. Захоронения рядные, заметны группы захоронений из взрослых и детских могил. Захоронения одиночные. Ориентировка – запад–восток. Типы погребальных конструкций – простые ямы. Используются деревянные гробы или ящики, скрепленные железными коваными гвоздями. Погребальный ритуал – захоронение в саване без вещей.

Отдел II включает в себя сельские кладбища. Характерные черты расположения кладбищ XIV–XVI вв. рассмотрены Г.В. Юсуповым (1960, с. 30–31). Им отмечено, что кладбища и поселения, как правило, разделены оврагом, ручьем или речкой¹. Каких-либо закономерностей в выборе места для кладбища не отмечено².

¹ Тем не менее многие старые кладбища (в некоторых татарских деревнях их может быть несколько) сегодня входят в черту застройки села, а иногда застраиваются, отражая процессы роста поселения. Это позволяет определить нескольких актуальных исследовательских тем. *Первая тема* – это динамика роста современного села и деревни, выявления его «исторического центра» по размещению средневековых кладбищ и отдельных надгробий в зоне современной застройки. *Вторая тема* – соотношение поселений казанско-ханского времени и более ранних.

² Нередко при выборе места для захоронений огораживался участок леса или рощи. Традиция сажать деревья на действующих кладбищах сохраняется по сей день.

Расположение позднесредневековых татарских кладбищ отличается от расположения удмуртских или марийских некрополей этого времени. Так, удмуртские кладбища XVI – первой половины XIX в. располагались как на мысовой невысокой площадке берега реки, так и на высоких краях коренной террасы. Встречаются кладбища на холмообразных возвышенностях или песчаных «дюнах» в пойме. Кладбища XVIII–XIX вв. на местности не выделяются, прилегая к территории поселения (Шутова Н.И., 1992, с. 55, 56).

Марийские могильники конца XVI – начала XVIII в. практически не встречаются в пойме реки на «дюнах», но преобладают кладбища на мысах, образованных либо изгибом реки, либо слиянием рек (Никитина Т.Б., 1992, с. 17, 18). Т.Б. Никитина отмечает, что есть локальные особенности в топографии марийских могильников этого времени. Так, горномарийские могильники занимают мысы надлуговых террас или мысы, образованные при слиянии двух ручьев; у луговых марийцев – это террасы рек и стариц, края болота или водоема, иногда на холме в поле. У вятских марийцев преобладает расположение кладбищ на естественных всхолмлениях, меньше на мысах или террасах (Никитина Т.Б., 1992, с. 96).

Тип 1. Кладбища без каменных надгробных памятников¹. К этому типу относится большинство сельских кладбищ. Захоронения совершались в грунтовых ямах, иногда с подбоями. Ориентировка погребенных запад–восток, головой на запад.

Тип 2. Кладбища с каменными надгробиями. Начиная с конца XIII в. на мусульманских кладбищах региона существует традиция устанавливать каменные надгробные памятники с эпитафиями. Е.А. Халиковой в 1972 г. было исследовано одно погребение под надгробием с датой 1320/21 г. на Большеатрясинском кладбище. Захоронение было совершено в прямоугольной яме 240 × 80 см. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад-северо-запад. Череп находился на правом виске, лицевой частью к югу. Правая рука вытянута вдоль корпуса, левая согнута в локте, кисть ее возле правой кисти. Ноги вытянуты. По мнению исследовательницы, покойник, видимо, находился в деревянном гробу. В изголовье был поставлен надгробный камень, лицевой стороной к востоку (Халикова Е.А., 1972).

Этот тип памятников может быть классифицирован более подробно на основе стилистики эпитафических памятников. Д.Г. Му-

¹ Археологически выявлено более 40 кладбищ (Фахрутдинов Р.Г., 1975), раскопками исследовано не более пяти.

хаметшин (1993) предлагает следующее типологическое и хронологическое деление эпитафических памятников Казанского округа. Надгробия первого типа (20–70-е гг. XV в.) встречаются на кладбище с. Большие Нырсы и являются развитием традиций эпитафий XIV в. Кирменско-Джукетаусского округа (Мухаметшин Д.Г., 1993, с. 121). Второй тип (70–80-е гг. XV в.) характеризуют надгробия в селах Средние Аты, Урывкино, Чирши, Татходяшево. На кладбище в Татходяшево встречаются надгробные плиты третьего типа (конец XV – начало XVI в.; до 20-х гг. XVI в.). Кроме этого села, такого типа памятники встречаются в Ямашурме, Нижних Вереске (Березях), Нижней Серде, Старом Узюме, Иски-Казани (Мухаметшин Д.Г., 1993, с. 121–123). Стилистически надписи на эпитафиях этого типа сходны с эпитафическими памятниками XIV в. Болгара.

Четвертый (30–40-е гг. XVI в.) и пятый типы (30–50-е гг. XVI в.) надгробий распространены более широко. Причем эти типы памятников «представляют надгробия выраженного стиля периода Казанского ханства, которые оказали сильное влияние на эпитафии Касимова и эпитафии второй половины XVI–XVIII вв.» (Мухаметшин Д.Г., 1993, с. 125). Результаты картографирования позволили автору предположить, что надгробия «концентрируются вокруг старых болгарских центров, которые впоследствии становятся административными центрами даруг Казанского ханства». Б. Нырсы и Зюри соотносятся с Зюрейской даругой; Чирши – с Алатской; Иски Казань – с Арской; Урывкино, Татходяшево, округа Чаллынского городка – с Ногайской даругой¹ (Мухаметшин Д.Г., 1993, с. 126).

Интересен и такой вывод исследователя, что «административные центры даруг и другие населенные пункты с эпитафиями должностных лиц, очевидно, были поселками городского типа»². К ним отнесены с. Старый Узюм, Старые Менгеры, Нижняя Серда, Средние Аты, Нижние Вереске, Старый Ашит, Ямашурма, Старая Мараса, Тямти-Метески, Наласы. С городищами Казань,

¹ Отнесение Татходяшевского поселения к Ногайской даруге спорно. По Е.И. Чернышеву (1971, №422, с. 278–279), оно, скорее всего, относится к Арской даруге.

² Понятие «поселок городского типа» неудачно. Незнание явления поволжского средневекового города и критериев его выделения (исторических, археологических) не позволяет корректно использовать эти определения.

Иски-Казань, Старые Зюри, Утернясь¹, Чаллы связаны кладбища XV–XVI вв.² (Мухаметшин Д.Г., 1993, с. 127).

Группа В. Христианские некрополи.

Отдел I. Городские некрополи.

Тип 1. Могильник у «Греческой палаты» в Болгарах (Яблонский Л.Т., 1987, с. 125).

Тип 2. Могильник на «Бабьем бугре» в Болгарах³ (Халикова Е.А., 1986, с. 128–130). Основной обряд погребения – ингумация. Положение могил рядное, иногда в несколько ярусов с повторными захоронениями. Преобладают одиночные захоронения, имеются разновременные захоронения в одну яму. Ориентировка – запад–восток с вариантами в положении костяка, рук и поворота головы. Типы погребальных конструкций – ямы простые, с обкладкой каменными (песчаниковыми) плитами. Иногда плитами перекрывались и сами погребения. Использовались деревянные гробы без железных гвоздей. Погребальные ритуалы – применение огня, захоронение в одежде с сопроводительным инвентарем.

ЗАХОРОНЕНИЯ БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ ОБРЯДНОСТИ. К этому виду относятся захоронения совершенные во время военных

¹ Старозюринское городище, как показали раскопки, относится к I тыс. н.э. и к Казанскому ханству отношения не имеет. Утернясьское городище в подъемном материале в осыпях и обнажениях на склоне оврагов материала не дает. Соотнесенность этих памятников с кладбищами требует уточнения.

² Последнее предположение необходимо уточнить. Старозюринское городище не имеет отношения к эпохе Казанского ханства и по результатам раскопок датируется первой половиной I тыс. н.э. Характер топографии Утернясьского городища более соотносится с тем же периодом, что и Старозюринское, хотя несомненно отличие в фортификации. Однако отсутствие находок не позволяет определить ни время бытования памятника, ни его внутреннюю хронологию. Основной период существования Чаллынского городища, по результатам раскопок 1990-х гг., домонгольское и в меньшей степени ордынское время.

³ Мнение о мусульманском характере этого памятника высказывалось еще в XIX в., а особенности погребального обряда связывались с неполной мусульманизацией населения, оставившего его. Тем не менее точка зрения Е.А. Халиковой представляется аргументированной, и попытки пересмотреть ее (Газимзянов И.Р., 2002, с. 136) пока мало убедительны.

действий, эпидемий и т.п. Например, захоронение XIII в. на V Старокуйбышевском селище (Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р., 1992, с. 95, рис. 3).

Таким образом, систематизация погребальных памятников, выявила хронологическую и культурную дифференциацию этих объектов. При этом очевидно, что мусульманские обряды в классический болгарский период (XII – начало XIII в.) не вытеснили полностью доисламские верования. Это находило почву, прежде всего, в полиэтничном составе населения Булгарии¹. Существенная вариабельность элементов погребального культа и в мусульманских захоронениях пока не нашла убедительного объяснения.

Наличие святилищ и значительного количества языческих культовых предметов на болгарских поселениях, в том числе и городских центрах, позволяет считать, что господство монотеистической религии (в данном случае ислама) не исключало языческих культов из религиозной практики рядового населения болгарского города и села, а зачастую соседствовало с ними на протяжении всей истории болгарского государства с X по начало XV в.

Библиографический список

АК, 1981. Археологическая карта ТАССР. Предкамье. М., 1981. 212 с.

АК, 1988. Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. 100 с.

Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 200–216.

Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А. Исследования городища Великие Болгары // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 130.

Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 5–23.

Арма тынская О.В. Исследования Тураевского-II могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 41–42.

¹ Специальные исследования показывают разнообразные антропологические типы населения даже в мусульманских городских некрополях (см., например: Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г., 2011, с. 21–28).

- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. 200 с.
- Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола, 1986. 115 с.
- Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 176–199.
- Газимзянов И.Р. Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 106–110.
- Газимзянов И.Р. Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища (предварительные итоги) // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Болгар, 1998. С. 30–31.
- Газимзянов И.Р. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Болгар, 1999. С. 47–48.
- Газимзянов И.Р. Исследования Чаллынского-I некрополя // Древние Чаллы. Казань, 2000. С. 216–237.
- Газимзянов И.Р. Еще раз о могильнике «Бабий Бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 132–137.
- Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С.21–28.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962. 126 с.
- Губин А.С., Писарев Т.Н. Новый могильник у поселка Алексеевское // Археологические открытия в Татарстане: 2002 г. Казань, 2004. С. 80–81.
- Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура: домонгольский период. X – начало XIII в. Казань, 1990. 190 с.
- Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. 431 с.
- Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Исследование полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском-V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 89–105.

Кавеев М.М. Некоторые итоги исследования IV Кожаевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 94–99.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. 132 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. 336 с.

Каховский В.Ф. Новые материалы по археологии и истории чувашского народа. Чебоксары, 1985. 122 с.

Кочкина А.Ф. Некрополи Муромского городка // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 125–127.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Раскопки средневековых могильников в Пермской области // АО Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 26–28.

Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 118–133.

Набиуллин Н.Г. Крутогорские селище и могильник: [Татарстан] // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань. 1999. С. 88–91.

Нигамаев А.З. Исследования Елабужского-IV некрополя // Археологические открытия в Татарстане: 2001 г. Казань, 2002. С. 98–100.

Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000. С. 7–55.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.): по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. 160 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 432 с.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2000. 156 с.

Петренко А.Г. Варианты форм захоронений частей коня в погребениях Большетиганского и Танкеевского могильников // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002а. С. 152–156.

Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология. 1999а. №1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: мат. Междунар. полевого симпозиума. Ижевск; Глазов, 1999б. С. 73–102.

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. 244 с.

Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности: хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань, 2002. 208 с.

Руденко К.А. Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996–1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002а. С. 70–77.

Руденко К.А. Волжские болгары в зеркале истории (X–XIX в.). Казань, 2007. Ч. I. 420 с.

Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.): учеб. пособие. Казань, 2008. 264 с.

Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие: мат. Междунар. науч. конф. Казань, 2009. Вып. 1. С. 282–294.

Трубникова Н.В. Поселения I и начала II тыс. н.э. на Самарской Луке // МИА. 1960. №80. С. 120–127.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 218 с.

Халиков А.Х. Очерки населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962. Т. II. С. 7–187.

Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. 1965. №104. С. 110–116.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // ПАИДИУ. М., 1972. С. 145–160.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М., 1976. С. 113–168.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. 160 с.

Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272–292.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. 264 с.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. 165 с.

Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. М., 1987. С. 124–142.